

ЭТНО МЕТОДОЛОГИЯ

*проблемы
подходы
концепции*

10

Этнометодология * 10

Этнометодология

Проблемы, подходы, концепции

Выпуск 10

Москва 2004

RUSSIAN MINISTRY OF CULTURE
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF CULTURAL AND NATURAL HERITAGE

Ethnomethodology:

problems, approaches, concepts

Volume 10

Moscow 2004

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
РОССИЙСКИЙ НИИ КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ

Этнometодология:

проблемы, подходы, концепции

Выпуск 10

Москва 2004

Редакторы-составители *А.А.Пископнель*
В.Р.Рокитянский
Л.П.Щедровицкий

Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. Вып. 10
Сборник статей – М., 2004. – 156 с.

ISBN 5-86443-103-6

Десятый, юбилейный, выпуск «Этнометодологии» открывается кратким обзором всех десяти выпусков. В связи с 75-летием Г.П.Щедровицкого (1929–1994) публикуются фрагменты его доклада «Культурология и культуротехника» (из архива). В материалах выпуска обсуждаются смысл и значение концепта культуры в контексте современной теории постиндустриального общества, продолжается обсуждение этнической проблематики (на материале общероссийской переписи), положено начало прямому обсуждению понятий культурного наследия и наследнической деятельности.

The tenth, jubilee, issue of "Ethnomethodology" begins with a short review of all ten issues. In view of the coming 75th anniversary of G.P.Schedrovitsky (1929–1994) a paper "Culturology and culturotechnics" from the latter's archive is published. The articles published in the issue are dedicated to the meaning and significance of the concept of culture based on the modern theory of post-industrial society, to ethnic problems (using the data of the last All-Russian census), to the concepts of cultural heritage and inheritance activity.

Содержание

От редакторов-составителей 7

К 75-летию со дня рождения Г.П.Щедровицкого 14

Г.П.Щедровицкий

Культурология и культуротехника 15

А.А.Пископпель

**Концепт культуры в контексте теорий
постиндустриализма и неоглобализма** 87

С.В.Соколовский

Татары и кряшены в переписи населения 2002 г. 99

К обсуждению понятия «наследие»: тезисы для «круглого стола»

А.А. Пископпель 144

В.Р.Рокитянский 149

Л.П.Щедровицкий 155

Contents

Editors' Foreword 7

75th Anniversary of G.P.Shedrovitsky 14

G.P.Shedrovitsky

Culturology and culturotechnics 15

A.A.Piskoppel

**The concept of culture in the context of theories
of post-industrialism and neoglobalism** 87

S.V.Sokolovski

Tatars and Kriashens in the 2002 Census 99

On the concept of heritage: theses for the "round table" conference

A.A.Piskoppel 144

V.R.Rokitiatsky 149

L.P.Shedrovitsky 155

От редакторов-составителей

Следуя обычаю использовать юбилей как повод для подведения итогов, мы помещаем в настоящем, десятом, выпуске краткий обзор всех десяти выпусков.

Ежегодник «Этнометодология» начал свое существование в 1994 году в качестве сборника публикаций сотрудников Центра этносоциальных исследований, посвященных, как писали редакторы-составители в предисловии к первому выпуску, «дискуссионным вопросам концептуализации этнических явлений, анализу и разработке понятийного аппарата научно-практического усвоения и освоения этнической реальности в ее психологическом, культурном и социологическом измерениях». При этом там же пояснялось, что в отличие от того «предметного» смысла, который вкладывается в название «этнометодология» в современной социологии (сравнительное исследование глубинных структур обыденных побуждений и поступков людей, принадлежащих разным этническим общностям), в настоящем издании и принятой его составителями интерпретации «этнометодологическими оказываются собственно метапредметные работы теоретико-методологического характера, выполняющие роль критики и обоснования, нормирования и программирования, оценки и регулирования широкого круга междисциплинарных, прежде всего теоретических, исследований и разработок, посвященных феномену этнического в общественной жизни». Теперь, ко времени подготовки десятого выпуска, можно сказать, что хотя время вносило неизбежные изменения и от выпуска к выпуску ставились и обсуждались новые проблемы, исходная направленность издания в основном осталась без изменения – как в отношении метапредметно-методологической ориентации, так и в отношении преимущественного внимания к этнической (в широком, разумеется, смысле) проблематике.

Последовательное знакомство со всеми десятью выпусками «Этнометодологии» позволяет выделить несколько сквозных тематических линий, в совокупности и определяющих содержательный образ ежегодника. Вот эти линии:

1. Сопоставительно-критический анализ принципов и практики современной этнологии и этнографии, преимущественно отечественной

Эта линия реализована, прежде всего, в серии статей Л.П.Щедровицкого и др. под общим названием «Парадоксы и курьезы отечественной этнологической мысли» (выпуски 1, 2, 3), где был проведен критический концептуальный анализ (как ретроспективный, так и перспективный) методологии и основных понятий этнологии, развитых в ряде отечественных концепций этноса и этногенеза. Такой анализ был проведен в отношении бромлеевской «теории этноса», концепции С.А.Арутюнова «Информационные связи как основа этнического бытия», представлений С.В.Чешко о соотношении «человека и этничности». В статьях С.В.Соколовского (все выпуски) проводился обзор критики состояния советской и российской этнологии, сравнение различных подходов к исследованию этничности на примере проблемы мень-

шинств; демонстрировалось, как советская теория этноса теоретически обосновывает и структурирует современную политическую практику в области межнациональных отношений, тем самым порождая реальность, которую она была призвана описывать; критически оценивался сложившийся в отечественной этнографии жанр научной статьи и зависимость стиля от сложившегося распределения власти в академическом сообществе (процедуры легитимизации этнонимов, власть номинации и др.). В этом контексте рассматривались проблемы применимости концепций западной политологии и социологии для анализа положения уязвимых групп в пост-тоталитарных государствах, определения бенефициантов международно-правовых и государственных законодательств, направленных на защиту меньшинств; проблемы самоопределения и суверенитета в связи с требованиями меньшинств в области культуры, языка, экономики и политики; предлагалась типологизация меньшинств и социокультурных и политических контекстов, в которых они существуют. Обсуждалась эволюция представлений о нации, гражданстве и этничности, трансформации идентичности, связанные с восприятием пространства и времени, вызванные распадом СССР. В статье этого автора «Четверть века российской антропологии: 1975–2000» (вып. 9) итоговый обзор состояния этой области отечественной науки и тенденций ее изменения проделан на основе сплошного библиометрического анализа публикаций в центральном профессиональном журнале «Советская этнография / Этнографическое обозрение».

2. Попытки прямых концептуализаций феноменов этнического

В статье В.Р.Рокитянского («Этническое как проект», вып. 2) обсуждались возможности социопроектного подхода к этническому, в частности, путем использования теокультурной парадигмы «свободного единства в истине» и ее последовательной коррекции с учетом требования реализуемости. За счет этого «этнопроект» интерпретировался как продукт экспансии таких начал микросоциальной интеграции, как дело, семья и конфессия. На основе истолкования «этнического» в качестве общественного идеала анализировались логические и исторические предпосылки рассмотрения «этнического как проекта».

В статьях А.А.Пископеля («Этничность и “внутренняя природа” человека» – вып. 5, «Осевая реальность этнического пространства» – вып. 7) было введено различие суб-этнического и над-этнического подпространств этнической реальности и над-этническое подпространство предложено рассматривать в качестве осевой реальности самого этнического пространства. В таком различении суб-этническое пространство отождествлялось с пространством реализации культурно-почвеннических ценностей, а над-этническое – ценностей культурно-цивилизационных. Демонстрировалось, что рассмотрение взаимоотношения таких подпространств через призму категорий естественного/искусственного позволяет артифицировать возникающие здесь проблемы как усилия, направленные на создание таких связей и отношений между ними, которые обеспечивали бы диссоциацию цивилизационных и почвеннических ценностей и потребностей и «возгонку» первых

7. Если от условий осуществимости и осмысленности наследнической деятельности вообще обратится к более конкретным представлениям о социокультурных целостностях и к их носителям – тем или иным общностям, то вполне актуальными становятся вопросы о *чьей* истории, *чьим* наследии и т.п. идет речь. И тогда оказывается, что, с одной стороны, для разных субъектов таких историй и наследий (от семейных до мировых) оказывается много, а с другой – сама та или иная историческая субъективация (практическое полагание и осуществление себя в качестве исторического субъекта) напрямую зависит от целенаправленной идентификации с «собственной» историей, «собственным» наследием. Другими словами, наследническая деятельность выполняет здесь функцию механизма исторической идентификации, полагания себя в истории, а такое о-своение истории, ее при-своение (т.е. вбирание ее в себя в качестве своей в той или иной форме – от мифологической до утопической) и делает ту или иную общность исторической.

В.Р.Рокитянский

К построению понятий «наследие» и «наследническая деятельность» (традиционалистская перспектива)

1.1. Достаточно обычна – и вполне объяснима – та ситуация, когда выработка понятия (или системы понятий), необходимых для сознательного осуществления некоторой деятельности отстает от становления самой этой деятельности. Деятельность складывается, обретает организационные формы, обретает своих героев и подвижников, обретает и свой язык (раз что-то делается, то ведутся и разговоры о сделанном, делаемом и планируемом). А понятий нет. Их место занимают слова с интуитивно понимаемым, размытым и вариативным смыслом. И чем более базовое положение должно было бы занять отсутствующее понятие, тем более неопределенным по смыслу остается занимающее его место слово. Таково и слово «наследие», которое донныне понятия за собой не имеет.

1.2. Требования к понятию «наследие».

а) Понятие должно *определять*, т.е. отличать, отделять наследие от не-наследия. Для нас актуально выделять наследие – как искомый предмет наследнической деятельности – из всей совокупности следов и останков прошлой жизнедеятельности, которую уместно назвать близким по бытовому употреблению термином «наследство».

б) Понятие должно – в своем развитом виде – заключать в себе положительное содержание «наследия» во всем его многообразии, т.е. *типологию* наследия.

Понятие должно быть работающим: чтобы им можно было пользоваться как инструментом в соответствующей деятельности – ее можно назвать «наследованием», или «наследнической деятельностью» – в том числе, например, и при принятии организационно-управленческих решений.

2. Что, однако, значит, определить наследие? Наследие заведомо не есть природный объект и не может быть определено натуралистически, через перечень своих натуральных атрибутов. Не миновать определения его функций – в деятельности и жизнедеятельности.

В то же время для построения понятия «наследия» недостаточно опираться на те функции, которые нечто (часть «наследства», «претендующая» на то, чтобы рассматриваться как «наследие») *выполняло в прошлом*. Чтобы стать наследием, наследство должно быть присвоено, в отношении его и должен осуществляться некий *особый вид деятельности*, «наследническая деятельность»: наследническая деятельность преобразует наследство в наследие (нечто, что мы именуем «наследием»).

Предложенные различения недостаточны. Все, так или иначе, может быть рассмотрено как следы и останки некоего прошлого; созданное вновь тотчас становится прошлым и должно быть перенесено в позднейшую деятельность – т.е. в некотором роде присвоено, унаследовано. Если всю совокупность объектных, средствственных и продуктивных составляющих деятельности (то, на что деятельность направлена, что она использует как средство

и что производит) назвать нашим «достоянием», то встает вопрос: чем наследие отличается от достояния? Или иначе: в чем специфика такой составляющей нашего достояния, как наследие?

Для ответа на этот вопрос необходимы, на наш взгляд, некоторые дополнительные различения функционального и типологического характера.

3.1. Итак, мы имеем дело с тройкой потенциальных понятий, строительство которых, как предполагается, нужно осуществлять совместно: **наследство – наследие – достояние**¹, и одновременно с выяснением специфики наследнической деятельности и ее места в универсуме человеческой деятельности.

Если достояние – это присвоенное наследство, то наследие – это наследство, присвоение которого отсрочено или произошло не полностью, не в полноте его возможностей. (Это некоторое переосмысление идеи высказанной А.Пископелом о наследии как о нереализованных прошлых альтернативах, особым образом аккультурированных в настоящем²).

3.2. Представляется, что для дальнейшего движения на первый план выступают вопросы о субъекте наследнической деятельности (и других видов деятельности, так или иначе, генетически или функционально, с ней связанных), о множественности субъектов такой деятельности (полисубъектности) и их типологии.

4. В подзаголовке настоящих тезисов стоят слова «традиционалистская перспектива».

Традиционализм, как он понимается здесь, хотя и связан – генетически и в смысле общей мировоззренческой ориентации – и с традиционализмом великих религиозных традиций, и с мета-конфессиональным традиционализмом типа геноновского³, выступает как подход или род гуманитарной методологии, при которой все социокультурные явления рассматриваются как проявления и метаморфозы традиционного. В качестве базовой, прототипической реальности («первофеномена» в гетевском смысле⁴) принимается «полная», невырожденная, сохраняющая свои сущностные характеристики **традиция**. О том, что это такое, достаточно подробно сказано в нашем очерке 1998 г. Здесь важно подчеркнуть следующее.

Во-первых, такой невырожденной традиции отнюдь не свойственна статичность, сохранение себя в неизменном виде; традиция динамична постольку, поскольку она жива. Она, действительно, ориентирована на сбережение, сохранение чего-то для себя сущностно важного, определяющего ее «лицо» – того, что можно назвать ее святыней, «сакрумом». Но само это сохранение сакрума – точнее, сохранение связи с Сакрумом бытийственным, трансцендентным традиции, и сохранение-восстановление внутри традиции сакрума как имманентного ей сакрального содержания (имманентного сакрума) –

¹ См. В.Рокитянский. Проектирование жизни и культ предков // Этнометодология. Вып. 4. М., 1997.

² См. тезисы А.Пископела в настоящем сборнике.

³ См. очерк аксиоматики традиционализма в работе: В.Рокитянский. Мир традиции: I. Традиция: строение и метаморфозы // Этнометодология. Вып. 5. М., 1998.

⁴ См., например: К.А.Свасьян. Иоганн Вольфганг Гёте. М.: Мысль, 1989.

осуществляется путем постоянного преодоления застывших в своей ограниченности его рецепций.

Во-вторых, рассматривать социокультурный мир в традиционалистской перспективе значит рассматривать его как «мир традиций», но традиций многообразно вырожденных и деформированных, включая и то, что правильнее было бы назвать квазитрадициями. Общим для «традиций» в широком смысле слова является *самоидентификация-через-преемство*; традиция, можно сказать, всегда озабочена своей аутентичностью, подлинностью (примеры – от религиозной ортодоксии до «поддержания марки» в случае профессиональной традиции).

В-третьих, наконец, так понимаемые традиции могут находиться друг с другом в сложных отношениях пересечения, включенности, генетической связи.

Именно традиции являются – с точки зрения традиционализма – субъектами всякой деятельности, а значит, и наследнической деятельности – в некотором расширительном смысле, нуждающемся в уточнении (см. тезис 5). К обсуждению традиционализма – и альтернативных подходов – мы вернемся позднее (см. тезис 6).

5. Традиция как таковая тяготеет к самодостаточности; чем более полной и невырожденной является традиция, тем более ей свойственно универсумальное самовосприятие: все, что вне ее рассматривается онтологически ничтожное, «кромешное», как хаос. Если взглянуть на проблему наследования, присвоения наследства, изнутри традиции, то получается, что тройственное различие «наследство – наследие – достояние» сплющивается в двойственное – наследие ничем не отличается от достояния (иначе: наследство тотчас и непрерывно становится достоянием) или, если взглянуть на ситуацию несколько с другой стороны, наследство, став достоянием (т.е. будучи вовлечено в жизнедеятельность традиции в тех или иных существенных для нее функциях), остается в то же время и наследием – в меру того, что в нем остаются не присвоенные и не освоенные, не актуализированные (не познанные, не понятые, не нашедшие применения или недоступные для применения – резервные) возможности.

По самому существу традиции, эти не вполне актуализированные возможности присущи различным ее составляющим тем в большей мере, чем больше они связаны с ее сакрумом. Эта насыщенность скрытыми возможностями на языке метакофессионального традиционализма называется *нуминозностью* (термин Р.Отто). Свои термины для обозначения нуминозного есть и в языке самих сакральных традиций (например, «святость», «благодарить» и «таинство» в христианстве, «барака», «вилайа», «кутб» в исламе и др.). «Наследием» традиции является, таким образом, совокупность ее святынь или, может быть точнее, связь с тем, ради чего они сберегаются – сам Сакрум.

Понятно, что профанные аналоги этому имеются в каждой вырожденной традиции (и нередко носят заимствованные от сакральных традиций имена).

6. Нужда в понятии «наследие» – в более точном и специфическом смысле – появляется в ситуации множества сосуществующих и вынужден-

ных принимать друг друга во внимание традиций (в *мультитрадиционном мире*). Такая ситуация требует рефлексированности – как от традиционализма, так и от других мыслимых и реализующихся подходов в отношении прошлого, его следов и останков (наследства). Совокупность мыслимых подходов удобно редуцировать к четырем попарным альтернативам по двум признакам: 1) «качеству» отношения к прошлому – как к значимому, осмысленному, поучительному (в пределе как к нуминозному) в одном случае (почитание) и как к материалу для новаций или «мусору», отходам в другом (утилизация); 2) рефлексированности, т.е. готовности к учету времени и окружения. Мы при этом получаем следующую таблицу:

	<i>почитание</i>	<i>утилизация</i>
<i>нерефлексированность</i>	нерефлексированный традиционализм	футуризм
<i>рефлексированность</i>	рефлексированный традиционализм	рефлексированный футуризм (прагматизм)

Все четыре позиции могут быть не только сконструированы умозрительно, но и обнаружены в реальной истории, где их осуществление иногда принимало как предельное выражение, так и значительные масштабы.

Все традиции являют нам примеры *нерефлексированного традиционализма* – обычно в периоды стагнации или острой опасности, когда желание сохранить святыню, аутентичность традиции побуждает к сакрализации исторических форм ее существования, в качестве, если воспользоваться выражением из иудейского традиционного лексикона, «оград Закона». Сюда же можно отнести крайние проявления ритуализма или догматизма, встречающиеся во всех почти традициях, как религиозных, так и светских.

Ярчайшие примеры *футуризма* явил нам строй, установленный в России XX века в результате Революции, особенно его ранние фазы с их «сбрасыванием с парохода современности», «разрушением дотла» и, наконец, переделкой («перековкой») самого человека как антропологического материала «Пролетарское принуждение во всех формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является, как ни парадоксально это звучит, методом выработки человечества из человеческого материала капиталистической эпохи»⁵.

Две других позиции менее радикальны и просты – за счет своей рефлексированности. Именно из установки на рефлексию, диахронную и синхронную, вырастает, видимо, вся познавательная деятельность человека, в том числе историзм и историческое познание, неразрывно связанное с занимающей нас проблематикой наследия.

⁵ Н.И.Бухарин «Экономика переходного периода». См. также описание раннесоветских дерзаний в области антропотехники в документальной книге О.Шишкина «Красный Франкенштейн: Секретные эксперименты Кремля» (М.: Ультра.Культура, 2003), из которого, в частности, видно, насколько привлекательна и заразительна футуристическая позиция для ученого мира, причем наиболее, может быть, талантливых его представителей.

Здесь уместно отнестись к альтернативной типологии подходов к прошлому, которую предложил А. Пископпель. В типологии Пископпеля выделены традиционализм, прогрессизм, прагматизм и историцизм, различающиеся тем, где во времени «размещается» для каждой из этих позиций идеал – соответственно, в прошлом, в будущем, «нигде» (отсутствует) или творится в истории (перманентный выбор будущего). Хотя критерии попарных различий у нас иные, но в приложении к социокультурной эмпирии содержание позиций оказывается отчасти близким: «традиционализм» по Пископпелю ≈ нерелефированному традиционализму, прогрессизм ≈ футуризму, прагматизм ≈ прагматизму же. Казалось бы, историцизм у Пископпеля можно приравнять релефированному традиционализму у нас, тем более, что, как будет видно, в обоих случаях предполагается, что именно с этими позициями связано выделение специфически наследнической деятельности. Между тем, различие велико. С точки зрения тех критериев, которые положены в основание нашей типологии, историцизм неотличим от прагматизма: идеал произвольно творимый и произвольно пересматриваемый – это, на наш взгляд, все равно, что его отсутствие; прагматизм и историцизм равно предполагают релефированное и утилитарное отношение к прошлому. Вопрос, конечно, в том, что понимать под утилитарностью – возможны весьма сублимированные представления о пользе, – но это равно справедливо для того и другого.

Иное – традиционализм, для которого важно прошлое с его собственными ценностями и диалог с прошлым относительно понимания судеб традиции и ее аутентичной сути – сакрума.

7.1. Вернемся к наследию. Выше уже было сказано, что о наследии приходится говорить в условиях, когда неотменяемой и неигнорируемой реальностью становится мультитрадиционность, вынуждающая традиции и сообщества-носители традиций релефировать свое положение, синхронное и диахронное, в этом мультитрадиционном мире. С нашей точки зрения, полноценному осмыслению этой ситуации и построению на основе этого осмысления деятельности по присвоению наследства – наследнической деятельности – максимально благоприятствует релефированный традиционализм, совмещающий взгляд на свою историю, историю жизни в связи со своим сакрумом, в его почитании, с осознанием аналогичных ситуаций в других традициях. Без первого, без живого опыта деятельности по сбережению, без, может быть, драматических утрат и обретений своей святости и без сохранения своей аутентичности в этой деятельности, невозможно и понимание того, чем живут другие традиции. Без рефлексии традиция замыкается не только в себе, но в исторически ограниченной рецепции себя и своего сакрума. Нерелефированный традиционализм все возможности воспринимает как уже актуализованные; тем самым снимается вопрос о присвоении наследства и различие между наследием и достоянием.

7.2. Этот вопрос, вопрос о наследии и наследнической деятельности встает лишь по отношению *общего наследия многих традиций*. Целью наследнической деятельности оказывается присвоение «чужого» наследия и интеграция «чужого» со «своим».

Это наблюдение подтверждается и реальной историей становления того, что получило названия «работа с наследием», «забота о наследии», «сохранение наследия», «использование наследия» – все это частичные синонимы того, что на новом рефлексивном этапе предлагается называть «наследнической деятельностью». Его подтверждает, в частности, знакомство с документами и исследовательскими текстами. Так, в документах ЮНЕСКО, где слово «наследие» впервые, видимо, широко используется как технический термин, речь идет именно о «всемирном наследии» (world heritage), о включении тех или иных объектов в «Список всемирного наследия» (World Heritage List), о «глобальной стратегии в отношении всемирного наследия» (World Heritage Global Strategy) – см. Всемирное и культурное наследие. М.: Институт наследия, 1999. Там, где речь идет о наследии в пределах отдельных регионов и стран вопрос также ставится именно в интеграционной перспективе – как вопрос об общем наследии всех народов и традиций, живущих в пределах одной территории.

7.3. Именно возможность совмещения двух перспектив обращения к наследству определяет преимущества традиционалистской позиции. Исходя из задачи такого совмещения должны, вероятно, определяться и организационные формы наследнической деятельности – как формы кооперации между внутренними институтами традиций и институтами, обеспечивающими те специфические виды деятельности, которые формируются для работы с наследием как с «отсроченно присваиваемым наследством» (см. тезис 3) – исследовательскими, образовательными и такими максимально наследнически ориентированными, как музейная и т.п. деятельность.

8. Несомненно важное значение имеет вопрос о типологии наследия и наследнической деятельности. Представляется, что и для него оптимальное решение следует искать в традиционалистской перспективе, когда в основу типологии интегрального (межтрадиционного) наследия могут быть положены типологические различия, которые складываются в деятельности традиций по сбережению и реактуализации нуминозного наследства.

8.1. В этом отношении применительно к тому, что происходит в рамках одной традиции можно говорить о *прото-наследии* и о *прото-наследнической деятельности*.

Консервационная задача традиции реализуется путем сохранения в неизменности *сакральных предметов – носителей* памяти и образцов для подражания. По своему функциональному отношению к сакруму это могут быть тексты, образы, сюжеты, способы действий и т.д. Особое место занимают вещи или *реликвии* (в качестве таковых могут выступать и все предыдущие носители в случае их материальной закрепленности).

8.2. Рефлексивный перенос этой типологии в метатрадиционное пространство может заложить основание для осмысленной типологии собственно наследия, завершая тем самым построение содержательного понятия «наследие».

Л.П.Щедровицкий

К обсуждению содержания понятий «наследие» и «наследническая деятельность»

1. В трактовке содержания основного вектора «наследнической деятельности» как деятельности культуротехнической, культуротехники, я занимаю позицию, совпадающую с позицией А.А.Пископпеля (см. его тезисы в настоящем сборнике).

Однако мы несколько расходимся в трактовке самой «культуротехники». На мой взгляд, у культуротехники (в отличие от «техники» как родового понятия) нет объектов в «настоящем» и «будущем» – она всегда имеет дело с объектами «из прошлого».

Другими словами, я считаю, что культуротехническая часть, или составляющая, наследнической деятельности есть просто культуротехника, а не вид культуротехники.

Кроме того, я не согласен с жестким рамочным утверждением А.А.Пископпеля, что «наследническая деятельность осуществляет *вторичную аккультурацию прошлого*».

2. Функция наследнической деятельности как культуротехники состоит в том, чтобы, придав объекту статус *наследия*, организовать его полноценную *трансляцию*.

Именованное объекта «наследием» означает выделение его из множества других объектов (которые «наследием» не являются) в интенции на изъятие его (в этой его ипостаси) из социального пространства (в схеме воспроизводства деятельности) и перевод в пространство культуры.

Но для того чтобы «наследие» действительно попало в пространство культуры и там пребывало, нужно обеспечить его трансляцию (если не «навечно», то на максимально возможный срок – отсюда требования охраны, реставрации и т.п.).

3. Наследническая деятельность уже сейчас (не говоря уже ее виртуальном будущем – как сферы) не сводится к культуротехнике, хотя культуротехника является ее базовой и ведущей составляющей.

Помимо «техник» разного рода (таких, как социотехника, человекотехника и т.д.) она включает и такие компоненты, как поиск, исследование, экспертиза и т.п.

В связи с этим возникает проблема «объекта» этих разных деятельностей. Можно ли утверждать, что все они имеют дело с одним и тем же «объектом»? На мой взгляд, это один из ключевых вопросов предстоящего обсуждения.

Научное издание

**Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. Вып. 10
М., 2004**

Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия
129366, Москва, ул. Космонавтов, 2

Лицензия ЛР № 020730 от 03.03.1998.

Оригинал-макет: ГЛАВ'артель

Гарнитура Times New Roman

Формат 60 X 84/16
Тираж 150 экз.

Объем 9,75 п.л.
Заказ № 44.

Типография Россельхозакадемии
115598, Москва, ул. Ягодная, 12

